

Николай Брешко-Брешковский

Принц и танцовщица

Николай Брешко-Брешковский

Принц и танцовщица

«Public Domain»

1927

Брешко-Брешковский Н. Н.

Принц и танцовщица / Н. Н. Брешко-Брешковский — «Public Domain», 1927

«Когда нет денег и достать их не у кого и негде – это ужасно. Еще ужасней, когда очутившийся в таком положении до тридцати пяти лет не знал, что такое – деньги, вернее, знал отвлеченно, теоретически, так же, как знал, что ходит по земле и дышит воздухом. До сих пор, исключая последние пять-шесть месяцев, за него платили. Было кому оплачивать портных, поставщиков, апартаменты в гостиницах, когда он бывал за границей. Ему даже редко приходилось держать в руках деньги, будь это золото, серебро или ассигнации. А за последние пять-шесть месяцев, приходилось – и еще как приходилось – иметь дело реже с тем, что называется презренным металлом, и чаще с тем, что называется бумажной валютой...»

© Брешко-Брешковский Н. Н., 1927

© Public Domain, 1927

Содержание

Книга первая	5
1. Положение, в котором очень легко очутиться	5
2. Субъект с бриллиантом на мизинце и со шрамом на щеке	7
3. Куда привела нашего героя апельсиновая корка	9
4. «Экзамен» и его последствия	12
5. Что-то неладное	14
6. Принц и его адъютант	16
7. Окончание предыдущей главы	19
8. Двадцать три священных жука	21
9. Щелчок по носу	23
10. Высочайшее внимание	25
11. Не все можно купить	27
12. В кабинете и дальнейшее	29
13. Интрига плетется	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Николай Брешко-Брешковский

Принц и танцовщица

Книга первая

1. Положение, в котором очень легко очутиться

Когда нет денег и достать их не у кого и негде – это ужасно. Еще ужасней, когда очутившийся в таком положении до тридцати пяти лет не знал, что такое – деньги, вернее, знал отвлеченно, теоретически, так же, как знал, что ходит по земле и дышит воздухом.

До сих пор, исключая последние пять-шесть месяцев, за него платили. Было кому оплачивать портных, поставщиков, апартаменты в гостиницах, когда он бывал за границей. Ему даже редко приходилось держать в руках деньги, будь это золото, серебро или ассигнации.

А за последние пять-шесть месяцев, приходилось – и еще как приходилось – иметь дело реже с тем, что называется презренным металлом, и чаще с тем, что называется бумажной валютой.

И вот подошел вплотную день, когда и то и другое иссякло.

Господин во фраке и с важной внешностью подал на круглом мельхиоровом подносе счет с тремя цифрами в итоге. Счет за пятнадцать дней жизни в отеле, с утренним завтраком, а иногда и с обедом.

Правда, господин во фраке был при этом отменно вежлив и улыбался скорей сконфуженно, чем торжествующе. И хотя постоялец значился в паспорте Ренни Гварди, просто Ренни Гварди, но человек во фраке с бритым лицом, изгибаясь и подавая счет, добавил что-то вроде «Вашего Сиятельства» или «Вашего Высочества».

Увы, и от безукоризненной вежливости и от почти виноватой улыбки, и от «Вашей Светлости» было несколько не легче. Даже наоборот, было гораздо тяжелее.

Ренни Гварди – будем его так называть – попробовал подсчитать весь свой капитал. Пустяки, мелочь, на которую можно пообедать, если и с вином, то с плохим, если и с сигарой, то не с гаванской. А между тем Ренни Гварди знал толк и в хороших винах, и в гаванских сигарах.

Голова мучительно работала, и в то же время не было ни одной мысли. Это, хотя и редко, но случается. Случается, когда неумолимо встает безвыходность положения. А если безвыходность подошла вплотную, уже не только нет ни одной мысли, а в голове образуется пустота, крайне досадная и ничем не заполняемая...

Но если временно засыпает «думающий» аппарат, не засыпает желудок. И чем меньше в кармане, тем более властно, тем более требовательно напоминает о себе. Данный случай не являл собою исключения.

С решительностью отчаяния Ренни Гварди вошел в ресторан – не в первоклассный, но и не последнего разбора, однако вполне приличный.

И хотя он заказал себе суп-крем, бараньи котлетки «соус субиз», спаржу и потребовал бутылку местного – оно так и называется «местным» – дешевого вина, лакей служил ему, как служат настоящим господам – тем, которых интересует не счет, а качество и которые швыряют щедрые подачки.

Такова уже была внешность Ренни Гварди и таковы были его манеры.

Ресторан славился шоколадным кремом, и Гварди потребовал на десерт именно шоколадный крем, густой, маслянистый и в меру, не до приторности, сладкий. Хотя в эти вечерние часы ресторан залит был электрическим светом, но лакей протер до того внимание к нашему

герою, что когда Гварди спросил голландскую сигару, лакей поставил перед ним зажженный канделябр с тремя свечами. Это было признаком хорошего тона, и ресторан баловал этим разве очень редких и очень выгодных своих гостей.

Пригубив кофе и дымя сигарой, ощущая в желудке тепло и уют, Ренни Гварди просматривал одну из вечерних газет. С некоторых пор он возненавидел политику. Может быть, временно, а может быть, и навсегда – решать не беремся, но это было именно так. И поэтому Ренни Гварди, минуя события политической важности, интересовался мелочами, теми мелочами, которые создают успех бойкой, живой газете.

Одну из таких мелочей он дважды перечитал. Другой, пожалуй, не обратил бы внимания, но Ренни Гварди обратил. Коротенькая заметка была озаглавлена:

Андре Андро и апельсиновая корка.

А дальше описывалось, как Андре Андро, наездник высшей школы в цирке Барбасана, сломал ногу там, где этого можно было менее всего ожидать. В дневные часы Андре Андро пошел потанцевать в один из дансингов. Сделав несколько туров шимми, он очутится у буфета, желая выпить бокал ледяной оранжады. Еще не успев утолить жажду, наездник высшей школы наступил на апельсиновую корку и, поскользнувшись, упал, и так неловко, что сломал себе ногу. Его отвезли в госпиталь. Врачи находят перелом ноги серьезным, раньше трех-четырех месяцев наезднику не придется показывать свое искусство.

В случайных, с виду хаотических, сплетениях как событий величайшей важности, так и самых незначительных фактов имеется всегда какая-то своеобразная логика. В оторванных друг от друга и не имеющих друг с другом связи – логика? Да, мы это будем утверждать, не боясь упрека в желании щегольнуть парадоксальностью.

2. Субъект с бриллиантом на мизинце и со шрамом на щеке

Говорят, у самоубийц, когда уже все решено и обдуманно, все страхи, волнения, мучительные переживания отходят, исчезают, и на душе воцаряется удивительное спокойствие.

Ренни Гварди не готовился покончить свои земные счета, но его самочувствие в миниатюре, очень в миниатюре, походило на ощущение самоубийцы, уже вынужденного из письменного стола револьвер.

Когда Ренни Гварди запил шоколадный крем чашкой горячего, крепкого кофе и не спеша, чтобы продлить удовольствие, курил свою голландскую сигару, он был уже спокоен. Недавних треволнений как не бывало. Спокоен, хотя знал, что через несколько минут выйдет на улицу, в буквальном смысле слова на улицу, ибо как же иначе сказать про человека, истратившего свои последние деньги на свой последний обед?

И вдруг его безмятежное настроение смутилось, нарушилось. До того нарушилось, что он почувствовал прямо какую-то физическую неловкость. Неловкость – это еще не все. Было еще что-то похожее на брезгливую дрожь.

В нескольких шагах от него, через два-три столика, сидел субъект. Именно субъект. Не человек, не господин, не мужчина – эти выражения в данном случае не подходят.

Этот большеголовый субъект был черноволос и плотен. Одетый в новенькую светло-сиреневую, немодную визитку, он, без сомнения, принадлежал к щеголям дурного тона. И перстень с крупным бриллиантом на коротком мизинце был тоже признаком дурного вкуса. Таких перстней избегают даже банкиры. Их носят шулера. Носили торговцы живым товаром, ездившие из Одессы в Константинополь и обратно.

Да и он, этот обладатель крупного бриллианта, ослепительно сверкавшего в потоках огня люстр, походил одновременно как на шулера, так и на торговца живым товаром. Черты лица, хотя и очень крупные, резкие, но менее всего породистые. Хищный нос с горбинкой. Актеры, изображая злодеев и темных личностей, «гримируют» себе именно такой нос. Да и весь этот субъект, с черной острой бородкой, с черными усами, смугло-румяный и яркий, с густыми бровями производил впечатление загримированного, хотя таковым и не был. Низкий лоб, широкие скулы. Одну из них пересекал заметный глубокий шрам, полученный при каких угодно условиях, но только, наверное, не на поле брани. Скорее всего – на зеленом поле, и когда след оставляет не кинжал или сабля, а подсвечник.

Субъект не стеснялся в расходах. Зная, что мясное блюдо запивают красным вином, субъект потребовал запыленную бутылку Бордо, и она бережно была подана в корзинке. Зная, что рыбу запивают белым вином, субъект потребовал Икем. Под конец обеда он велел подать себе несколько разных ликеров. И зеленый, как изумруд, и желтый, как тигровый глаз, и алый, как жидкий рубин.

Метрдотель с большим кожаным портсигаром склонился перед субъектом, и он извлек оттуда длинную крепкую гаванну. И однако же, невзирая на все это великолепие, грозившее кругленьким счетом, лакей не поставил перед субъектом зажженный канделябр с тремя свечами. Субъект вынужден был сам потребовать канделябр, и сделал это в такой форме, как бы желая подчеркнуть, что обойдя его тем, чем не обошли Ренни Гварди, ему нанесли личное оскорбление.

Но почему же вид этого субъекта со шрамом и в светло-сиреневой визитке неприятно подействовал на Ренни Гварди? Мало ли какая публика бывает в ресторанах? Нельзя же требовать, чтобы все были симпатичны, благообразны, воспитаны и не носили на мизинце непристойно-громоздких для мужчины бриллиантов. Нельзя. Ресторан – это кусочек улицы в закрытом помещении, а не салон и не аристократический клуб.

Нет. Здесь было совсем другое. Ренни Гварди сейчас окончательно убедился, что этот большеголовый, беспокойно-яркий субъект слишком часто, слишком назойливо попадаетея ему на глаза. Он следит за ним, Ренни Гварди. И в ресторане очутился менее всего случайно. В отеле, в котором живет Гварди, субъект несколько раз маячил то в вестибюле, то внизу, в ресторане, то поднимался наверх, и Ренни Гварди столкнулся однажды с ним у дверей своего номера. Субъект не совсем искусно притворился чего-то или кого-то ищущим.

Вот и сейчас, здесь: субъект, еще не кончив свой кейф с зеленым, рубиновым и желтым ликерами, потребовал заблаговременно счет, дабы в любой момент быть готовым взять свой сиреневый, под цвет визитки, цилиндр, свою трость с золотым набалдашником и уйти.

Субъект, не взглянул на счет, небрежно швырнул крупную бумажку и, получив сдачи, оставил такой крупный «пур буар», что лакей забыл даже поклониться, так его это ошеломило. Задорное мальчишеское желание пересидеть субъекта овладело Ренни Гварди. И, вооружившись терпением, – пожалуй, это было нетерпение – он сделал вид, что углубился в вечернюю газету.

Своим образом действий Гварди достиг цели. Субъект нервничал, если он вообще мог нервничать. Во всяком случае, он гримасничал, думая, что презрительно улыбается, барабанил пальцами по столу и, раздавив в пепельнице до половины только докуренную сигару, потребовал новую, тотчас же за нее заплатив.

Ренни Гварди надоела эта комедия, и он ушел. Ушел так стремительно, что субъект растерялся, упустив момент последовать за тем, за кем он шпионил.

3. Куда привела нашего героя апельсиновая корка

Читатель вправе, давно уже вправе полюбопытствовать, где же происходит завязка нашего романа? В какой стране, в каком городе?

Город этот – Париж. Отель, где Ренни Гварди не мог уплатить двухнедельный счет – отель «Фридланд» на авеню того же названия. Ресторан, где обедал Ренни Гварди почти лицом к лицу с большеголовым брюнетом – один из ресторанов, приютившихся на пляс Маделен. Итак, Париж.

Добавим еще: весенний Париж, когда Булонский лес не так прозрачен, как зимой, и когда все больше и больше устремляется в этот лес по широкому Bois de Boulogne автомобилей, колясок, пешеходов, всадников и всадниц.

Всякий, хоть раз побывавший в Париже, знает о существовании цирка Медрано. Теперь, в послевоенные годы, осталась одна только вывеска, фирма. Да и фирма в конце концов исчезла. Одна цирковая «династия» уступила свое место другой династии. Медрано сменил Гвидо Барбасан. Семидесятилетний Гвидо Барбасан, сухой и тренированный, как жокей, с той лишь разницей, что старый Гвидо на целую голову был выше самого высокого жокея, ибо и самый высокий жокей никогда не больше самого среднего обыкновенного человека.

Гвидо Барбасана никак нельзя было представить без трех вещей: сдвинутого набок лоснящегося цилиндра, монокля на старомодной черной тесемке и сигары. Так и шутили про него: Гвидо состоит из цилиндра, монокля и сигары.

Но в этом не было не только ничего смешного, а наоборот, как раз все это шло Барбасану и было в стиле его фигуры, в стиле человека, возвращенного с малых лет цирковой атмосферой.

Вот и сейчас, в своем кабинетике, – стены сплошь покрыты афишами и плакатами, – сидя за столом, одетый во все черное, дымил он сигарой. В глазу твердо угнездился монокль, а в сверкающий цилиндр старого Гвидо можно было смотреться, как в зеркало.

Визави Барбасана – их разделял письменный стол – сидел Альбано, режиссер, он же управляющий труппой, бывший клоун, маленький, с годами ожиревший человек, с подвижным, пухлым, мягким, словно изжеванным лицом.

– Подвел, еще как подвел, – сетовал Гвидо на Андре Андро. – И дернуло же его пойти на этот дансинг... И что за хамство бросать на пол корки. Ведь это же свинство.

– Свинство, господин директор, и даже большое, – согласился Альбано. – Публика теперь такая пошла. Разве можно предъявлять требования, мало-мальски строгие требования? Надо сознаться: после этой войны все реже и реже встречаешь воспитанных людей. Ворвалась улица. Но нам-то нисколько не легче от этого сознания. Самый искуснейший хирург – не Бог и в два-три дня, увы, не поставит на ноги бедного Андре Андро. А между тем наездник высшей школы необходим, хоть тресни. Необходим, как тонкий десерт для гурмана за хорошим обедом. Это пятно, благородное пятно. А все благородное, изысканное не так-то легко найти. Вы видели, на ваших глазах предлагалось несколько наездников, но я не остановился ни на одном. Даже не делал им «пробы». Достаточно первого впечатления. У одних уж очень простецкие физиономии. Другие же – сахарные красавчики. И те, и эти одинаково неприемлемы. Наездник высшей школы – особенный номер, стильный, «фрачный», требующий непременно изящества и породы. Он должен производить впечатление аристократа, случайно очутившегося на арене, гордого, не замечающего публики и как будто для самого себя «работающего» свою лошадь. Не так ли, дружище Альбано?

– Золотые слова, господин директор. Золотые слова. Таким, именно таким наездником высшей школы были вы.

– Был, – вздохнул Гвидо. – Был. Теперь уже года не те, да и этот проклятый ревматизм дает себя знать.

– А какой вы имели успех, – оживился Альбано. – Поклонницы, корзины цветов, директор, вас засыпали цветами, как примадонну.

– Да, да, еще бы. Я мог повторять вместе с опереточным Калхасом: «Много, слишком много цветов». Если подсчитать всю их стоимость, получилось бы... целое богатство, – хотел прибавить старый Гвидо, но не успел.

Служитель в красном, обшитом золотым позументом вицмундире и с аксельбантом на левом плече, войдя в кабинет, доложил:

– Господин директор, вас хочет видеть какой-то господин.

– Господин или артист?

– По-моему, господин, – уверенно сказал служитель.

– Попросите ко мне господина.

Вошел Ренни Гварди. Окинув его беглым взглядом, в совершенстве наметавшимся, Гвидо сам себе сказал: «Да, это „господин“».

– Прошу садиться на этот стул. Чем могу вам служить, мосье?

– Я прочел в газетах о постигшем Андре Андро несчастье. Я хочу вместо него предложить себя, если, конечно, вакансия еще не занята.

Гвидо ответил не сразу. Движением глазных мускулов выбросив монокль, повисший на тесемке, он пристально, испытующе всматривался в Ренни Гварди. Ничто не ускользнуло от Барбасана. Ни железный перстень, единственное украшение тонкой, с длинными пальцами и в то же время сильной мужской руки, ни скромный пиджачный костюм, сидевший, однако же, так, словно был неотделим от Ренни Гварди. И спокойными, уверенными в себе манерами человека остался доволен Барбасан, и лицом, хотя и некрасивым, но имеющим то, что бывает ценнее красоты – породу, породу несомненную. Да, было много породы и в удлинённом овале, и в линиях рта, и в четком профиле. Энергичное, мужественное лицо как-то странно, почти неуловимо сочетавшее в себе европеизм с Востоком. Гвидо переглянулся со своим режиссером, и бывший клоун выразительно подмигнул: одобряю, мол.

Все это было делом нескольких секунд. Барбасан, успев вооружить глаз моноклем, задал вопрос:

– Вы еще не работали в цирке? Никогда?

– Никогда! – ответил Ренни Гварди, и его темные глаза, глаза какого-нибудь азиатского хана, чуть приметно улыбнулись, а губы, губы утонченного европейца, хранили полную неподвижность.

– Гм... – переглянулся снова Барбасан с управляющим труппой. – Что ж, у вас были, вероятно, свои собственные конюшни?

– Я держал верховых лошадей, – уклончиво ответил Ренни Гварди и этим еще больше понравился Барбасану.

Другой пошел бы сочинять: да, да, мол, и еще какие конюшни. Сам Ротшильд завидовал мне и купил их у меня за одиннадцать миллионов франков.

А этот всего-навсего: „Да, я держал верховых лошадей“. Но какой же мало-мальски состоятельный офицер-кавалерист не держал своих лошадей? Да и фигура у него кавалериста; и фигура, и „выправка“.

И, продолжая вслух, старый Гвидо спросил:

– Быть может, вы проходили курс высшей езды в Пинероле, у итальянцев, или здесь, в Сомюре, у французов?

– Да, я знаком и с той и с другой школой...

– Кто ж вы, наконец, черт вас возьми? – чуть не вырвалось у Барбасана, и опять он закончил вслух свою мысль: – Вы попадете у меня в свое общество. Времена такие. После всех этих революций кто только не идет работать в цирк! Не угодно ли? Королева пластических поз – русская графиня, метатель ножей – персидский принц, а наездник-джигит – сын кавказских

нагорий, князь. Вот, – с гордостью подчеркнул Барбасан внезапно другим тоном, словно желая поймать врасплох, полюбопытствовал: – А вас как зовут, мосье?

– Меня?.. Ренни Гварди.

– Псевдоним?

– Разве это звучит, как псевдоним? – вновь улынулся Ренни Гварди, на этот раз одними губами.

– Хотя, в сущности, какое мне дело до вашего паспорта, мосье, – пожал плечами Барбасан. – Самое главное, чтобы вы понравились мне, в чем я не сомневаюсь. А понравились мне, понравитесь и публике. Фрак у вас есть?

– Есть.

– Вам очень шло бы, именно вам, появляться на арене с моноклем. Это импонирует. Как вы насчет монокля?

И Барбасан сделал движение передать свой монобль собеседнику, но тот предупредил его.

Вынув из верхнего жилетного кармана круглое, без ободка, стеклышко, неуловимым движением подбросил его и с такой же неуловимой ловкостью поймал орбитой глаза.

– Bravo, bravo, это прямо великолепно, – просиял Барбасан.

Изжеванное лицо бывшего клоуна расплылось в одобрительную улыбку.

Барбасан продолжал:

– Маленькая проба... Если вы позволите, сейчас? И мы подпишем контракт, мосье... мосье Ренни Гварди. Мы сделаем маленький бум в газетах, а через два дня первый дебют. Согласны?

– Согласен.

– Условия те же самые, что и с Андре Андро. Пять тысяч франков в месяц и в случае нарушения вами контракта, – контракт на полгода, – неустойка в размере трехмесячного жалования. Это лишь так, формальность. Для меня гораздо ценнее слово, и вот я хочу, мосье Ренни Гварди, заручиться вашим честным словом, словом джентльмена, что ранее полгода вы не покинете меня. Мало ли что... Сегодня у вас нет ничего, а через две-три недели на вас могут свалиться шальные какие-нибудь миллионы. Это на вас похоже. Итак, даете слово? Ваша рука.

– Даю слово, господин директор, и вот моя рука, – открыто, с подкупающей искренностью, пошел навстречу новый наездник высшей школы...

4. «Экзамен» и его последствия

Старый Гвидо нажал вделанную в письменный стол пуговку. На звонок явился тот самый служитель в красном вицмундире с аксельбантом на левом плече, который докладывал несколько минут назад о Ренни Гварди.

– Прикажите поседлать Галифе.

Служитель поклонившись, исчез, а Барбасан пояснил:

– Галифе – красавец гунтер, выезженный мной лично. Андре Андро на нем работал, а теперь Галифе перейдет к вам. Он чуток, удивительно чуток. Послушен малейшему прикосновению стека. По-моему, наездник высшей школы – это, главным образом, гармоническое впечатление всадника и лошади, составляющих одно целое, неотделимое. Конную статую, которой только не хватает гранитного цоколя. Вся сила в красоте и величии. Поэтому излишняя акробатика может лишь испортить впечатление. Один-два тура шагом вдоль арены, один-два тура манежным галопом. Затем – испанский шаг, галоп на трех ногах и – традиционный финал. Всадник заставляет опуститься лошадь на колени, она кланяется публике. И больше ничего, все.

– Разрешите возразить, господин директор?

– Сделайте ваше одолжение.

– Лично я в данном случае против традиционного финала.

– Почему? – нахмурился Барбасан.

– В коленопреклоненной лошади что-то унижительное для этого прекрасного, гордого животного. Да и с точки зрения конной статуи это некрасиво. Наездник высшей школы должен покинуть арену без дешевых эффектов, как бы игнорируя наполненный зрителями амфитеатр.

– Вы полагаете? – вдумчиво спросил Барбасан и тотчас же поспешил согласиться. – А ведь верно. Тонкое замечание! Альбано, ты согласен?

– Согласен. Хотя нахожу это новшество немного смелым.

– Друг мой, всякое новшество само по себе смело. Нет, он прав, тысячу раз прав. Долой традиционный финал. Нет, Ренни Гварди, у вас голова хорошо сидит на плечах, вы чувствуете лошадь, и мы с вами сделаем дело. Месяц еще поработаем в Париже, вплоть до мертвого сезона, а там перекочем куда-нибудь – я еще сам не решил, куда...

Днем цирк всегда сер и будничен, особенно для тех, кто привык посещать его вечером, когда он залит яркими потоками электричества, и в этих потоках живет и трепещет пестрая нарядная толпа.

Ренни Гварди впервые очутился в цирке в часы репетиции. Все казалось таким полинялым, выцветшим. Проступали все изъяны на бархатной обивке лож и кресел. Места галереи, высоко над всем этим, пропадали в тусклых сумерках. А еще выше, у самого купола, поблескивали как-то холодно и совсем не нарядно металлическими частями своими трапеции и какие-то еще более сложные аппараты.

Песок арены, по вечерам такой желтый, грязно-бурым казался сейчас при дневном свете, струившемся от купола сквозь маленькие квадратные окна, открытые вентиляции ради. В одной из лож сидела группа артистов: мужчины в мягких каскетках и свитерах, женщины, одетые более чем по-домашнему. Но это не было небрежно, неряшливо, это было экономно до скудости. Цирковые артистки вообще никогда не наряжаются, их отцы и мужья любят их такими, какие они есть, а до чужих им нет никакого дела. Прошли времена, когда наездницы и канатные плясуньи были в моде как женщины, имели богатых поклонников. Теперь это все скромные труженицы – не более, и вся их жизнь проходит между семьей и ареной. Перед каждым представлением, да и во время самого представления, воздух очищается и освежается при посредстве нескольких гигантских пульверизаторов, брызгающих мельчайшей жидкой пылью

ароматных эссенций. А сейчас без этих эссенций на арене пахло цирком – особенный запах конюшни, диких зверей, чего-то затхлого и еще чего-то неуловимого.

Конюх держал Галифе в поводу. Ренни Гварди залюбовался мощным стройным гунтером. Вычищенный до глянца вороной Галифе казался отлитым из одного куска драгоценного неведомого металла. Застоявшийся гунтер нетерпеливо рыл копытами песок и с похрустывающим звуком грыз мундштучное железо.

Ренни Гварди взял от Барбасана стек, уверенно подошел к Галифе, разобрал поводья и одним цепким прыжком, не коснувшись стремени, очутился в седле. И как в самом Ренни Гварди, так и в этом его прыжке было что-то двойственное. Сказался умеющий вольтижировать кавалерист и, кроме того, еще наездник, наездник по крови, по духу, быть может, потомок целого ряда поколений горских или степных полудиких всадников, сраставшихся, сживавшихся с конем, как центавры.

Начало обещающее. Довольный Барбасан переглянулся с Альбано. Сидевшие в ложе артисты, примолкнув, с интересом следили.

Ренни Гварди пустил Галифе галопом вдоль барьера, и хотя всадник был в обыкновенном костюме, в «комнатных» брюках навыпуск, никто этого не заметил, так безукоризненно красива, изящна была его посадка.

Перейдя на высшую школу, на испанский шаг, Ренни Гварди легким прикосновением стека заставлял гунтера выбрасывать передние ноги, и это выходило так гладко, чисто, с такой изумительной чеканной отчетливостью, как если б этот всадник, впервые севший на Галифе, «работал» его несколько месяцев.

– Довольно, довольно, – воскликнул Барбасан. – Я вижу, с кем имею дело. Довольно...

Через минуту все трое были опять в кабинете. Из ящика письменного стола Барбасан вынул контракт с готовым напечатанным текстом. Надо было лишь проставить имена, даты, условия и скрепить двумя подписями. Когда все было сделано, Ренни Гварди получил аванс в размере трех тысяч франков.

– Я вряд ли ошибусь, сказав, что это ваши первые заработанные деньги, – заметил Барбасан, с пыливой ласковостью глядя на вновь приобретенного артиста своей труппы.

– Я сам только что подумал то же самое, – ответил Ренни Гварди.

– Итак, послезавтра к девяти вечера вы будете уже в уборной. Ваша уборная общая с ковбоем Антонио Фуэго и кавказским князем. Так сказать, товарищи по оружию. Захватите маленький чемоданчик с фрачной парой, лакированные ботинки со шпорами, а к панталонам необходимы штрипки. Это вам портной в десять минут пришьет.

Ренни Гварди уже собирался уходить, старый Гвидо задержал его:

– Да, совсем забыл, а как вас поставить на афише? Ренни Гварди – это красиво звучит. Вы ничего не имеете против?

– Решительно ничего, господин директор.

Когда Ренни Гварди ушел, Барбасан хлопнул по плечу бывшего клоуна.

– Что, дружище, какво приобретение, а? Такого наездника высшей школы днем с огнем поискать. Это мужчина, это класс, это я понимаю...

– Должен иметь успех.

– Женщины будут с ума сходить. Фигура, посадка. Наверное, какой-нибудь прогоревший граф или маркиз. Как ты думаешь? Какой национальности этот молодчик, называющий себя Ренни Гварди?

– Трудно сказать... По-французски говорит хорошо, но не француз. Русский? Нет, вряд ли русский. Но не будем ломать наши головы. Сейчас он загадка для нас, а потом, потом мы его расшифруем. А самое главное – он поднимет сборы. Потянет элегантную публику... Это самое главное.

5. Что-то неладное

Получив аванс, Ренни Гварди тотчас же поспешил в отель расплатиться. Взяв внизу у портье ключ от своего номера, наездник высшей школы распорядился, чтобы к нему явились со счетом.

Парадный, сверкающий, весь в зеркалах, лифт мчал Ренни Гварди на пятый этаж, а другим, более скромным лифтом, более медленно поднимался человек во фраке с внешностью сановника, и не демократического, а настоящего.

Он приблизился к комнате Ренни Гварди, когда тот открыл дверь и вошел к себе. Стук, стук...

– Мосье позволит?

– Антре. – Гварди хотел еще что-то прибавить, но его внимание отвлекла записка, лежавшая на видном месте.

Взяв ее и пробежав с изумлением, Ренни Гварди так взглянул на человека во фраке, что тот сразу понял: во-первых, записка менее всего понравилась содержанием своему постояльцу, который хочет уплатить двухнедельный счет, а во-вторых, она, эта записка, очутилась в комнате Ренни Гварди без ведома прислуги.

И дабы в этом убедиться, обладатель бритой сановничьей физиономии подошел к дверям и позвонил, сначала трижды, а затем, сделав паузу – дважды. И не успело замолкнуть в конце коридора сухое дребезжание, как на зов явились горничная и лакей.

Ренни Гварди показал кусочек бумаги.

– Это положил на стол кто-нибудь из вас?

– Нет, мосье, – ответил лакей.

– Нет, мосье, – ответила горничная.

– Значит, без вашего ведома кто-нибудь успел проникнуть в мою комнату? Мой ключ висел у портье, а ваш? – обратился к горничной Ренни Гварди.

– Мой все время был у меня. Как только мосье вышел утром, я тотчас, убрав комнату, ключ унесла к себе, в нашу служебную кабинку, где всегда кто-нибудь из нас дежурит и куда никто из посторонних не может войти незамеченным.

– А вы что скажете? – обратился господин во фраке к лакею.

– Я ничего не понимаю, – ответил тот искренно, без малейшего смущения.

– Однако же факт налицо, – настаивал Ренни Гварди. Кто-то был у меня, – и, вспомнив вчерашний обед с шоколадным кремом, Гварди добавил. – Никто из вас не видел брюнета с черной бородкой, черными усами и со шрамом на щеке?

Горничная и лакей ответили отрицательно.

– Вам не примелькался этот господин? – обратился Гварди к человеку во фраке. – Он не живет в вашем отеле?

– Я догадываюсь, о ком говорит мосье. Да, да, черная бородка, усики, шрам. Это некий Церини. Он занимает 216 номер во втором этаже. Неужели мосье подозревает?

– Да, и не без основания. Вы больше не нужны, – обратился Гварди к лакею и горничной, отпуская их. Оставшись вдвоем с олимпийцем, он протянул тысячефранковый билет.

– О, мосье, это далеко не так спешно, вы могли бы подождать.

– Нет, зачем же? Получите.

– Merci! Mille fois¹. Смею спросить, мосье останется у нас?

– Не знаю, может быть. Но если и останусь, перемену комнату на более скромную.

---

¹ Тысяча благодарностей (фр.).

– Я постараюсь угодить мосье. Этажом ниже прекрасный маленький номер, уютный и вдвое дешевле. Мосье потрудится взглянуть?

– Не сейчас.

Человек во фраке понял: мосье желает остаться в одиночестве. Вынув объемистый бумажник, отсчитал сдачу и с низкими поклонами, пятась к дверям, исчез.

Ренни Гварди, вооружив глаз стеклом, еще раз перечитал повергшие его в изумление строки. И все время сквозь крупный текст на плохом французском языке он видел человека со шрамом и в светло-сиреневом жакете. Первым движением было разорвать записку и бросить клочки в корзину. Ренни Гварди, передумав, сунул записку в карман.

Он ли, этот щеголь дурного тона, не он ли, во всяком случае кто-то здесь похозяйничал в отсутствии его, Ренни Гварди. Надо осмотреть чемоданы, все ли цело. Субъект, подобравший ключ к дверям, без сомнения, обладает секретом с такой же ловкостью проникать и в чужие чемоданы. Осмотр вещей, однако, убедил Ренни Гварди, что непрошенный таинственный гость не успел или не захотел ознакомиться с содержимым чемоданов. Ренни Гварди взглянул на часы. Без четверти два. Он спустился вниз, вышел из подъезда отеля, пересек Площадь Звезды, чтобы на авеню Виктор Гюго позавтракать в «Пикадилли».

На веранде, выходящей на панель, все было занято, и Ренни Гварди прошел в глубину ресторана, посещаемого главным образом англичанами и американцами.

Ренни Гварди, заняв свободный столик, склонился над щегольским, с затейливой виньеткой меню.

А над ним, в свою очередь, склонился гарсон во фраке и с переброшенной через локоть салфеткой.

– Monsieur désire?²

Гварди медленно поднял голову. Взгляд его встретился со взглядом вопрошавшего гарсона. И гарсон мгновенно преобразился. Еще не вполне веря себе, своим глазам, он уж сиял весь каким-то необыкновенным восторгом... Он вытянулся с манерой отлично воспитанного, хорошо дисциплинированного офицера, что в наши дни встречается все реже и реже. А затем у него вырвалась фраза на неведомом для всех окружающих языке, не понятая никем, за исключением того, кому она предназначалась.

Все еще неуверенный, все еще колеблясь, гарсон воскликнул:

– Ваше Королевское Высочество?..

Ренни Гварди на том же языке ответил не менее радостно:

– Анилл, ты? А я все время думал о тебе. Вот встреча!

И Его Королевское Высочество хотел пожать руку полковника князя Мавроса, но вовремя воздержался. Этим он сконфузил бы гарсона из «Пикадилли». Они и так уже были центром внимания, и даже невозмутимые британцы с соседних столиков с любопытством поглядывали на них.

– Мы обойдемся без демонстраций, – сказал Ренни Гварди. – Необходимо встретиться как можно скорее. Когда и где я тебя увижу?

– Когда и где Ваше Высочество прикажете. Сегодня мой день, вернее, вторая половина дня. Через полчаса я буду свободен. Где-нибудь в кафе?

– Нет, я не хотел бы на людях. За мной следят. И у себя не хотел бы по той же самой причине. Самое лучшее у тебя. Где ты живешь?

– В двух шагах отсюда. Авеню Виктор Гюго, 11. Ровно через три четверти часа я жду Ваше Высочество у своего дома. А сейчас я буду иметь великое счастье служить своему государю. Я позволю себе рекомендовать бараньи котлетки, соус субиз. Это, кажется, одно из любимейших блюд мосье?

---

² Что мсье желает? (фр.).

6. Принц и его адъютант

В стороне от больших европейских дорог лежало маленькое, но древнее королевство Дистрия. В течение многих веков правила им такая же древняя династия Атланов. Последним дистрийским королем был Догодар Атлан XII, – последним, так как несколько месяцев назад в Дистрии вспыхнула революция и, когда мятежная чернь двинулась на королевский замок, престарелый монарх скоропостижно скончался от разрыва сердца.

Сын Догодара и наследник короны его, принц Язон Атланский, герцог Родосский, находился в это время за границей, куца уехал инкогнито, даже без своего адъютанта, обыкновенно сопровождавшего принца во всех путешествиях. Этим адъютантом и был полковник князь Анилл Маврос.

Мы уже видели, как принц и адъютант обрадовались друг другу. Но радость их была не одинакова. Маврос был убежден, что герцог Язон Родосский, по всей вероятности, жив, и только внезапная встреча повергла полковника в такое ликующее изумление. Что же касается принца, для него любимый адъютант как бы воскрес из мертвых: Язон считал Мавроса погибшим. По сведениям принца, большинство офицеров дистрийской армии, в особенности, занимавших положение при Дворе, было замучено и убито взбунтовавшимся народом, если только можно было назвать народом его подонки, его отбросы. И вдруг такая неожиданная-негаданная встреча в «Пикадилли». Одна мысль, что Маврос уцелел, вырвался из кровавого революционного пожара, наполнила принца таким счастьем, что отбила всякий аппетит. Он завтракал машинально, сжигаемый нетерпением скорее увидеть адъютанта с глазу на глаз.

Маврос подал принцу кофе, а минут через пять принц увидел Мавроса, стройного, в сером летнем костюме и в мягкой шляпе, вышедшим из ресторана. Глядя на этого высокого брюнета с правильным, красивым лицом и с гордой осанкой, никто не признал бы в нем гарсона из «Пикадилли».

И еще через несколько минут Язон и Анилл встретились, обменялись крепким рукопожатием и таким взглядом, который остается в памяти на всю жизнь.

Почти во всех парижских домах прислуга живет не в одной квартире со своими господами, а в самом верхнем мансардном этаже, который так и называется «этажом для прислуги». Узкий коридор и по обе стороны его низкие небольшие комнаты с небольшим окном и скошенным параллельно крыше потолком. Обстановка этих комнат для горничных, лакеев и кухарок шаблонно скудная. Кровать железная, узенькая. Умывальник, комод, столик и стул.

В последние годы, когда в Париж хлынула русская эмиграция, некоторые свободные комнаты для прислуги отдавались внаем за 100 франков в месяц бывшим генералам, помещикам, вдовам видных чиновников. И князь Маврос, очутившись, как и русские, на эмигрантском положении, поселился в одной из таких комнат.

До революции один из знатнейших и богатейших людей во всем королевстве, он ютился теперь в убогой мансарде и в этой мансарде принимал того, кого считал своим королем, хотя и оставшимся без короны, без поданных, без территории, без армии, без всего, что вместе взятое являет собой государство.

– А здесь у тебя недурно... – заметил принц, опускаясь на единственный стул. И этими словами, и мягкой доброжелательной улыбкой он хотел ободрить своего адъютанта.

Князь Маврос так и понял.

– Ваше Высочество, я не роппу. Многие наши дистрийцы, нисколько не хуже меня, очутились в более трудных условиях. Я свыкся с этой комнатой для прислуги и даже полюбил ее. Только вот зимой – здесь ведь отопления не полагается – было очень холодно. А ведь нам, южанам, и легкая французская зима кажется суровой. Да стоит ли говорить обо мне? Все это ничтожнейшие пустяки в сравнении с моей безумной нечеловеческой радостью. Я вижу Ваше

Высочество перед собой, вижу в добром здоровье и, по всей вероятности, в не совсем плохих материальных...

– Ты не вполне угадал, мой дорогой, – перебил Язон. – Вчера еще у меня в кармане была какая-то мелочь, не превышающая и одного франка.

– Может ли это быть? – воскликнул Маврос. – И как мы не встретились до сих пор? Ваше Высочество давно в Париже?

– Около месяца. Остальные пять я скитался по Европе, убегая от людей, и от самого себя, и от своих мыслей, так мучительно терзавших меня. Этот мятеж, повлекший за собой кончину бедного отца... Но ты, Маврос? Каким чудом спас и себя, и свою голову? Я считал тебя погибшим... Это не давало мне покоя.

– Именно чудом, Ваше Высочество, – подхватил Маврос. – О, это было несколько глав сенсационного романа, романа жизни, перед которыми бледнеет самая пылкая писательская фантазия. И, благодарение Богу, мне удалось не только унести свою голову, но, еще в тот самый момент, когда ворвавшаяся чернь занялась грабежом королевского замка, захватить с собою некоторые драгоценности, и в том числе знаменитое кольцо из двадцати трех скарабеев.

– Колье из скарабеев? Оно у тебя? – сделал порывистое движение принц.

– Оно вместе с остальными вещами хранится в этом комод, Ваше Высочество, если бы вам никогда не суждено было вернуться на престол ваших предков, в чем я самым решительным образом сомневаюсь, вы, имевший вчера несколько сантимов, будете богаты, очень богаты. Все ваше будущее, вся ваша жизнь обеспечены.

– А они убеждены, что кольцо у меня.

– Кто это – они?

– Маврос, я знаю столько же, сколько и ты. А может статься, тебе известно даже больше, чем мне. Меня преследуют. Во всяком случае, за каждым моим шагом шпионит какая-то подозрительная личность. Прочти эту записку. Я нашел ее у себя в номере. Без сомнения, и это не без участия моей тени. А моя тень – какой-то большеголовый брюнет шулерского типа. Я никогда не видел шулеров, не встречал, но я думаю – именно таков их жанр и стиль.

– Субъект со шрамом? В светло-сиреневой визитке?

– А ты почему знаешь?

– Догадываюсь. Я помню его еще по нашей столице. По нашей дорогой Веоле. Здесь он обедал несколько раз в «Пикадилли». Если я не ошибаюсь, он состоял в агентах у Мекси.

– У Мекси? – с живостью повторил Язон. – О, теперь это приподнимает завесу! Если Мекси еще нет в Париже, то со дня на день он должен появиться.

– Я сам того же мнения. Но Бога ради, Ваше Высочество, я жажду прочесть записку.

Маврос читал про себя, время от времени восклицая:

– Вот негодяи! Вот мерзавцы! Какая наглость! Как они смеют!

Анонимный автор требовал от Язона выдачи кольца из скарабеев, взамен предлагая миллион франков. В случае согласия принц должен ответить на *poste-restante*³ по адресу некоего *monsieur Gades*. Буде же принц не пожелает уступить кольцо, неизвестный автор грозит мстостью и принятием таких мер, которые в конце концов заставят Язона капитулировать.

– Как бы не так, – угрожающе молвил Маврос. – Теперь мы вдвоем, и нам не страшны никакие темные силы, хотя бы во главе их стояло десять Мекси вместо одного. Но о чем вы задумались, Ваше Высочество?

– Вернее, о ком? Я думал о тебе, Маврос, как на грех. Ты зарабатываешь на жизнь в качестве ресторанный лакея, ютишься в этой мансарде, вместо того чтобы продать хоть одну из этих вещиц, – Язон кивнул по направлению комода, – жить припеваючи, не работая в «Пикадилли». Всем этим, – новый взгляд по направлению комода, – ты мог бы распорядиться, как

---

³ До востребования (фр.).

если бы это была твоя собственность, – во всяком случае, по своему усмотрению. Друг мой, поверь мне...

– Ваше Высочество, я лишний раз убедился, что благородство ваше не исчерпано, – с горячностью перебил Маврос. – Но я без колебания отсек бы себе руку, если бы она потянулась продать во имя личной выгоды моей хотя бы ничтожную частицу драгоценностей моего королевского дома. Не только в ресторанные лакеи, на самые тяжкие физические работы пошел бы, не задумываясь, только бы сохранять все в целости до встречи с вами.

– Маврос, и у тебя язык поворачивается восхвалять чужое благородство, когда ты сам... Я, право, не знаю даже, как это описать. Слов не хватает... Какое ни возьми, все будет бледно. Имея в ящике целое состояние, принадлежащее твоему другу, другу молодости, юности и даже детства, ты, сын владетельного князя, подаешь ростбифы и бифштексы у «Цикадилли» этим долговязым американцам, которые... Год назад любой из них почел бы за великое счастье выдать за тебя свою сестру или дочь, да еще позолотил бы твою и без того, впрочем, ярко сиявшую корону несколькими миллионами долларов. Но, я вижу, тебе желательно дать несколько иное направление нашей беседе. Изволь. Почему и это кольцо, и все остальное ты не снес куда-нибудь в банк, в сейф? Разве там не было бы в большей сохранности?

– Почему? А вот почему, Ваше Высочество. Прежде всего, надо было бы оплачивать это хранение довольно кругленьким процентом. Львиная доля моего заработка ушла бы на оплату сейфа, затем, после того как большевики в течение нескольких лет сбывают в Европе краденые сокровища императорского дома, к держателям этих сокровищ создалось отношение весьма и весьма подозрительное. Я рисковал тем, что вплоть до выяснения, до ваших показаний, – а где я мог бы вас найти? – французское правительство взяло бы все вещи под опеку. Что же до сохранности, то кому, хотел бы я знать, придет в голову, что в жалкой мансарде, занимаемой ресторанным лакеем, спрятано известное чуть не на весь мир кольцо из скарабеев, кольцо, которому нет цены? Теперь другое дело, теперь я так поступлю, как будет угодно Вашему Высочеству приказать.

– Мы об этом еще подумаем. Но вот, Маврос, ты ни за что не угадаешь, в какой роли я на днях выступлю и что мне дает и уже дало мои первые, слышишь, мои первые заработанные деньги.

– Заранее капитулирую. Угадать новое амплу наследного принца Дистрии – задача не по силам, – склонив свою красивую голову, развел руками адъютант герцога Родосского.

– Да, пожалуй, ни за что не угадать, – улыбнулся принц. – Если послезавтра вечером вздумаешь пойти в цирк Барбасана, ты увидишь наездника высшей школы. Этот наездник высшей школы – я.

– Ваше Высочество, это не более как шутка, – испугался Маврос.

– Нисколько. Это самая настоящая действительность. Сегодня утром я выдержал экзамен, подписал контракт на шесть месяцев и получил аванс.

7. Окончание предыдущей главы

Несколько минут Маврос молчал, пораженный, затем, овладев собой, сказал решительно:

– Это невозможно.

– Что?

– Ваше Высочество, вы не можете выступать в цирке.

– Почему?

– Вас узнают. Заговорят. Заговорит весь Париж.

– А мне какое дело? Пусть говорит. Если бы не Барбасан, я очутился бы на улице.

– Это было вчера, но сегодня материальное положение Вашего Высочества резко пере-
менилось. Вы заплатите неустойку, а контракт изорвете в клочки.

– И не подумаю! Барбасан взял с меня слово: в течение шести месяцев я не покину его. Он спас меня в самый катастрофический момент. Я это ему не забуду никогда и никогда не отплачу такой низкой неблагодарностью. Маврос, ты, рыцарь чести, ты первый утратил бы ко мне уважение. Данное слово есть слово, а не звук пустой.

– Раз так, раз вы связали себя честным словом, тогда, конечно, о нарушении контракта не может быть и речи. Но все-таки, все-таки...

– Что все-таки? – горячо, с вызовом бросил принц. – Ты хочешь сказать, что мне, принцу Атланскому, герцогу Родосскому, неудобно выступать в цирке? Друг мой, теперь, в наше время, после того как прокатившаяся по доброй половине света революция смела и разорила десятки династий, теперь неудобно только совершать поступки, противоречащие понятиям о добром имени и о чести. Все же остальное удобно. Мы с тобой можем назвать добрый десяток принцев крови, которые служат в банках, заведуют конюшнями американских миллиардеров и там же, в Америке, снимаются для фильмовых картин. Русский великий князь Александр Михайлович служит в каком-то торговом предприятии. Мой друг, это в настоящем, а в прошлом? Историю знаешь не хуже меня, знаешь, что потомок христианнейших королей Людовик XVIII был учителем математики в какой-то начальной школе, а Луи Наполеон, будущий император французов, занимался комиссионерством по продаже оливкового масла. И, наконец, чем только не занимались и кем только не были в погоне за куском хлеба принцы Бурбонского дома после того, как им удалось избежать гильотины? Ты скажешь: все это, мол, так, однако же это не был цирк. Да, это цирк, я же не буду кривляться и кувыркаться на арене на потеху толпы. Мой номер стильный и строгий – не потеха, а зрелище. Зрелище, которое не вызовет ни одной улыбки. Ну что, убедил я тебя?

– Ваше Высочество, у меня нет никаких возражений.

– Очень рад. А ты, Маврос, с завтрашнего дня потрудишься ликвидировать все свои счета с «Пикадилли». Нам хватит теперь и на двоих. Что такое? Ты недоволен?

– Это меня стеснит. Я хочу...

– Вздор, никаких возражений. На свободе ты найдешь что-нибудь получше.

– Как это понимать? Как дружеский совет или высочайший приказ?

– Как высочайший приказ, – улыбнулся принц.

– В таком случае я, верноподданный, беспрекословно повинуюсь.

– С завтрашнего дня ты оставишь свою мансарду и переедешь ко мне в отель «Фридланд».

Если, разумеется, это не будет посягательством на твою свободу, и жизнь со мною вдвоем...

– Ваше Высочество, я готов обидеться. Разве это не вернет мне счастливейшие дни моей жизни, когда на охоте в африканской пустыне и на войне наши походные кровати стояли рядом в одной палатке?

– Хорошее время это было, Маврос! Какие воспоминания! – вздохнул принц. – Но ничего. Не будем сетовать, будем смело, с надеждой и верой смотреть вперед, с благодарностью

и любовью оглядываясь назад. Самое ценное, Маврос, – наша жизнь при нас. За это мы вечно должны быть признательны Богу, ведь могло быть иначе. Если б ты не спасся каким-то чудом и если бы в момент революции я находился в Дистрии, а не за ее пределами... Я вовсе не желаю сказать, что теперь все пойдет безмятежно и гладко. Да и не хочу этого. Вот совсем не хочу. Было бы скучно и бледно.

– Вам угодно сказать, что нам предстоит еще борьба, вернее, мне. Борьба с человеком, у которого очень мало совести, но очень много миллионов, и с женщиной, которая умеет ненавидеть. Мекси и Медея Фанарет.

– Мекси и Медея Фанарет, – повторил Язон.

Эти два имени словно отозвались каким-то внутренним толчком в душе адъютанта, и он сказал:

– Ваше Высочество, теперь, когда вы здесь налицо, надо скорее озаботиться помещением драгоценностей в более надежное место, чем моя мансарда...

– Успеется... Отложим до завтра...

8. Двадцать три священных жука

Колье из двадцати трех скарабеев, этому бесценному сокровищу, суждено играть немалую роль в нашем повествовании.

Что такое скарабей? Это изображение священного египетского жука, приносившего счастье не только в земной жизни, но и в загробной. Обладание скарабеем являлось привилегией царствующей династии фараонов и самых высших жреческих и военных каст. В саркофагах вместе с мумией фараона, вместе с драгоценностями, которые он носил при жизни, клали десять, а то и двенадцать жуков из бирюзы, насчитывавших целые тысячелетия и за эти тысячелетия ставших из ярко-небесных бледно-оливковыми. В гробницы главных жрецов и военачальников клали только по одному скарабею.

Проходили еще тысячелетия, время и случай разрушали гробницы. Извлеченные мумии поступали в музей, а найденный при этом скарабей – в сокровищницу египетского хедива. Знатным, очень знатным гостям, посещавшим Египет, хедив подносил в дар в виде особого благоволения по одному, а то и по два скарабея. Императрица Евгения, посетившая Каир во дни открытия Суэцкого канала, увезла в Париж целых шесть скарабеев, поднесенных ей хедивом Измаилом. Проявленная Измаилом щедрость облетела весь мир. Секрет щедрости хедива заключался в том, что он столь же безумно, сколь безнадежно влюблен был в красавицу Евгению.

Эти шесть скарабеев не дали счастья императрице французов, потерявшей корону, мужа и сына, так трагически погибшего в Центральной Африке.

Бабка Язона, королева Амелия, в течение тридцати лет коллекционировала скарабеи. Это обратилось у нее в страсть, почти в манию. Каждый из высокопоставленных дистрийцев, уезжая в Египет, считал своим долгом вернуться со скарабеем для своей королевы. Когда таким образом их накопилось двадцать три, Амелия заказала из этих скарабеев колье художественной работы. Это была тончайшая паутина из платины, скреплявшая двадцать три священных бирюзовых жука. Исключительное, единственное колье. Бриллианты, даже самые крупные, можно приобрести за деньги. Их много – бриллиантов. Скарабеи же все на счету. С каждым годом их все меньше и меньше, и – это самое главное – скарабеи в противовес бриллиантам не покупаемы, не добываемы и не вырабатываемы. У каждого своя история, история сотен веков... Самый молодой скарабей старше самого старого бриллианта, изумруда, рубина, любого из драгоценных камней, а главное, повторяем еще раз: драгоценным камням числа нет, были бы деньги. И сколько в недрах земли самоцветных сокровищ! Обладателями скарабеев являются избранные, и то благодаря большим, очень большим связям в придворных кругах Египта. Поясним это наглядным примером. Какому-нибудь Ротшильду, Моргану или Рокфеллеру гораздо легче купить или заказать колье из чудовищных бриллиантов, каждый размером почти с грецкий орех, чем стать обладателем хотя бы одного скарабея. И наоборот, какой-нибудь принц владетельного дома или монарх, для которого даже один бриллиант величиной с грецкий орех – роскошь не по силам и не по средствам, может получить скарабей от хедива как знак внимания к своей голубой крови. Да, положение и голубая кровь!

В этом какая-то особенная аристократическая наследственность скарабеев. От коронованных и знатных покойников они переходили к живым людям такой же благородной расы и древней изысканной породы. Переходили после того, как пять-шесть тысяч лет бледнели, перекрашиваясь, и становились жуткими, мистическими в потемках гранитного саркофага.

Династии великих империй, разметавшихся в нескольких частях света, обладали скарабеями. И больше всего их было у турецкого султана Абдул-Гамида. Но у Амелии, этой королевы маленькой экзотической Дистрии с пятиллионным населением, оказалось вдвое больше скарабеев, чем у Абдул-Гамида. Овдовев, Амелия подарила колье молодой царствующей

щей королеве Петронелле, супруге своего сына. И так переходило оно из поколения в поколение. И если б принц Язон женился, колье из скарабеев украсило бы шею той, которая сидела бы вместе с ним на троне Атланов.

Но все это еще далеко не конец. Это лишь только начало. Можно сказать, что колье из скарабеев, если и не прямо повлекло за собою революцию в Дистрии, то, во всяком случае, явилось далеко не последним поводом, ускорило ее, дав толчок.

9. Щелчок по носу

Медее Фанарет как артистку, исполняющую, главным образом, восточные танцы, знали хорошо и в Старом, и в Новом Свете. В несколько лет она создала себе мировое имя. Но никто не знал, не мог ничего сказать об ее происхождении. Откуда она? В какой среде воспитывалась? Из какой семьи? Об этом было много предположений, догадок, но опять-таки ничего определенного.

Называли ее креолкой с Мартиники, называли чуть ли не персиянкой, и хотя Медее Фанарет, пожалуй, не была ни той, ни другой, но все же смугло-матовая, с большими огненными глазами, скорее походила на креолку, чем на персиянку. И тело у нее было такое же смугло-матовое, почти бронзовое, если бы оно было немного темнее.

Свои выступления Медее Фанарет обставляла весьма эффектно. И надо отдать справедливость, это ей удавалось. Яркие восточные декорации. Отдаленные звуки гонга. Полумрак на сцене. Силуэты двух неподвижных рабынь возле двух гигантских, дымящихся благовонных курильниц. И на этом фоне появлялась гибкая, прекрасно сложенная, полунагая танцовщица. Более чем полунагая. Весь наряд ее заключался в украшениях из металла и цветных камней в виде головного убора и прикрытия для бедер и для груди.

Было ли подлинное искусство в танцах Медее Фанарет? Было, несомненно было, но поклонники и поклонницы сходили с ума больше от общего настроения и дивных пластических форм танцовщицы и умения владеть ими, чем от ее «искусства».

Не ограничиваясь большими европейскими столицами, модными курортами, как Биарриц, Остенда, Монте-Карло, Медее, разрываемая на части желающим заработать «на ней» импресарио, гастролировала и в маленьких столицах маленьких королевств и республик.

Так очутилась она и в Веоле, скромной столице Дистрии.

Дирекция королевского театра отказалась уступить под ее гастроли свою сцену, заявив ее импресарио, что танцы госпожи Фанарет несерьезны и более подходят для кафе-шантана или варьете. Но так как ни кафе-шантана, ни варьете не было в патриархальной Веоле, то наскоро приспособили лучший и обширнейший из местных кинематографов.

Наследный принц находился в это время в Веоле. Ему очень хотелось посмотреть и самое Фанарет, и ее танцы. Он читал и слышал о Медее, видел ее портреты, но самое Медее не видел. Это было случайность, так как по обыкновению часть года он всегда проводил за границей.

Возник вопрос – вопрос этикета: как быть? Принцу неудобно появиться в кинематографе, но выход был найден. Язон вместе со своим адъютантом, оба в штатском платье, незаметно прошли в закрытую ложу. А рядом в открытой ложе сидел Адольф Мекси, один из богатейших банкиров и дельцов не только в Дистрии, но и во всей Европе. В годы великой войны Мекси нажил колоссальные средства на поставках в армию, причем он снабжал не только Францию, Россию, Англию, но и враждебные им Германию, Австрию и Турцию.

Адольфу Мекси было тогда лет сорок, а в его мясистом, широком, бритом лице было что-то бульдожье, бульдог в пенсне. Да и в жизни Мекси представлял собою человеческую разновидность бульдога, бравшего все мертвой хваткой. Все, начиная с удовольствий и кончая материальными благами. Это был жестокий, холодный хищник, готовый шагать через трупы, если это вело ближе к намеченной цели. И фигура Мекси – под стать его бульдожьей физиономии – коренастая, крепкая, с короткой шеей и короткими ногами.

Между этими двумя ложами, закрытой и открытой, началось соперничество... Мекси велел заготовить в кулисах цветной магазин в миниатюре. Около двадцати корзин всевозможных оттенков, величин и форм. Какая-то цветочная оргия. Тут же вертелся большеголовый человек со шрамом, в неизменной светло-сиреневой визитке и в таком же сиреновом цилиндре.

Перед поднятием занавеса Медея Фанарет, уже одетая, вернее, раздетая для своего номера, с густым ярким гримом на лице, подчеркивающая им ее «восточность», накинув легкий шелковый пеньюар, вышла сделать предварительный смотр цветочным подношениям. У каждой корзины карточка, и на каждой карточке: «Адольф Мекси», «Адольф Мекси» и так без конца. Правильнее, до самого конца.

Человек со шрамом, убедившись, что это произвело впечатление на артистку, улучив момент, расшаркался, сняв свой «водевильный» цилиндр:

– Госпожа Фанарет позволит представиться: Церини, Ансельмо Церини.

Это ничего не сказало Медее, и, окинув полупрезрительным, полунедоумевающим взглядом этого провинциального щеголя, она ответила ему небрежным кивком головы, который одинаково мог сойти и за поклон, и за нечто переводимое так: «Нельзя ли меня оставить в покое?»

Другой на месте Церини, без сомнения, приуныл бы, но он не принадлежал к числу унывающих. Он тотчас же нашелся:

– Мой патрон – Адольф Мекси, великий ценитель искусства. Это по его поручению я озаботился, чтобы знаменитая Медея Фанарет была встречена подобающим образом, – и он широким жестом указал на стоявшие несколькими рядами корзины.

После этого Медея отнеслась к Церини с некоторым вниманием.

Никогда не следует пренебрегать секретарем человека, ворочающего миллионами. Это она знала по опыту. А Церини, становясь уже смелее, продолжал:

– Мой многоуважаемый патрон дал мне весьма лестное поручение просить вас, госпожа Фанарет, о том, чтобы вы были так любезны украсить своим присутствием маленький интимный ужин, который он сегодня дает в вашу честь в своем роскошном палаццо...

Фанарет поняла: надо держать фасон. Пусть этот Мекси богат, пусть у него роскошный дворец, но, однако, пусть же не думает он, что ее так легко прельстить ужином.

А Церини полузаискивающе, полунахально улыбался в ожидании ответа, несомненно благоприятного. Но в данном случае он ошибся.

Ответ был таков:

– Меня несколько удивляет самоуверенность господина, господина Метакси.

– Мекси, – со священным ужасом поправил Церини.

– Пусть будет Мекси. Как же так? Не будучи мне представленным, не заручившись моим согласием, он уже зовет гостей на ужин в мою честь. Это, это даже не самоуверенность, а нахальство...

Церини больше уже не улыбался. Он так покраснел, что на его щеке шрам стал багровым.

– Но, глубокоуважаемая госпожа Фанарет, это же невозможно. Что же будет? Это же страшный удар для моего патрона...

– Это уже как вам угодно. Ваш патрон получит вполне заслуженный урок...

И с этими словами Фаварет, сделав насмешливый реверанс, впорхнула в свою уборную.

Церини остался в глупейшем положении. Что он скажет своему патрону? И, как ни оттягивал человек со шрамом неприятный момент, делать нечего, надо идти в ложу с докладом, за который ему, конечно, влетит... Мекси обозлится, а в такие минуты он не стесняется выражениях.

Не успела Фанарет очутиться в своей крохотной, насыщенной косметиками, духами и запахом ее тела уборной, постучали в дверь...

10. Высочайшее внимание

Надо ли пояснять: Медею Фанарет во всех ее артистических турне, путешествиях и поездках сопровождала ее собственная горничная. Фанарет была слишком яркой «звездой», чтобы во время гастролей своих прибегать к помощи какой-нибудь случайной прислуги. В течение уже нескольких лет бессменной горничной при Медее состояла немолодая, некрасивая, костистая и черная испанка Мария. Взгляд ее черных глаз на худом бледно-синеватом лице нельзя было никак назвать ни приветливым, ни добрым, хотя, может быть, в глубине души Мария была и приветливой, и доброй. Может быть, почему знать? Говорят же: чужая душа – потемки.

Мария не была бы испанкой, если бы не одевалась во все черное. Это сообщало ей какой-то зловеще-траурный вид.

И госпожа, и горничная успели привязаться друг к другу, хотя вкусы и взгляды на жизнь у них были разные. Разные – до политических убеждений включительно.

Фанарет была монархистка, Мария же – республиканка, и в этом отношении никому, даже самой Фанарет, не уступала своих позиций.

Был такой случай в Париже, примерно за год до приезда Медее в Веолу.

Фанарет жила на Вандомской площади в отеле Ритц. К ней обещал заехать на чашку чая инфант Луис, кузен короля Альфонса. В ожидании принца крови царствующего испанского дома Фанарет, зная республиканские убеждения своей Марии, забеспокоилась. Свое беспокойство она не скрывала от горничной.

– Мария, ты знаешь, через полчаса ко мне приедет Его Высочество инфант Луис?

– Знаю.

– Знаешь ли ты, Мария, что, как испанка, по этикету должна будешь поцеловать ему руку?

– Знаю, но Луис от меня этого не дождется. Это было бы противно моим убеждениям.

– Так и не поцелуешь?

– Так и не поцелую.

– Твое дело, заставить не могу. Но полагаю, Мария, ты не будешь держать себя вызывающе?

– Мадам, я хотя и прислуга, но обходиться с людьми умею, – огрызнулась камеристка, сжав тонкие губы и совсем не ласково блеснув глазами.

– Видишь, я хотела сказать ему, что ты испанка. А теперь не скажу.

– Это ваше дело...

Когда Луис вошел, Мария встретила его сухим церемонным, однако вполне учтивым поклоном.

Вот именно эта самая «республиканка» и подошла к дверям уборной, когда раздался стук, и приоткрыла их. Красивый, высокий господин, вполне джентльменского вида, протянул ей карточку. Протянул театральной горничной. Закрыв дверь, она передала карточку Медее.

– Князь Анилл Маврос, гвардии полковник, первый адъютант Его Высочества наследного принца.

Этого было достаточно вполне.

– Проси...

Едва Маврос вошел, Мария уже очутилась в коридоре. Во-первых, эта крохотная уборная едва ли вместила бы трех человек, а во-вторых, горничная знала раз навсегда: она может лишь в тех случаях оставаться, когда гость назойлив, скучен, Фанарет желает поскорее его сплавить.

– Очень рада, очень рада, – молвила с кокетливой улыбкой Фанарет, одной рукой придерживая на груди готовый раскрыться пеньюар, а другую протягивая князю.

В уборной было лишь два стула. Опустившись на свой у туалетного столика, Медея указала Мавросу на другой.

В виде вступления Маврос сказал несколько комплиментов и, как человек светский, сделал это с тактом и чувством меры, сумев остановиться как раз там, где уже начинались приторность и пошлость. За вступлением последовала сущность визита.

– Мадам Фанарет, вам угодно быть представленной Его Высочеству принцу Язону Атланскому, герцогу Родосскому?

– О, конечно, конечно, князь. Сочту для себя за великую честь.

– В таком случае... Сколько еще времени до вашего выхода?

– До моего выхода? Минуть десять-пятнадцать.

– В таком случае не откажите в любезности пройти вместе со мной в ложу Его Высочества, это сейчас же сбоку сцены. Ложа закрытая, вас никто не увидит.

Фанарет, научившаяся держать себя с коронованными особами, лицом к лицу с Язоном в густом полумраке ложи присела в глубоком придворном реверансе, и тогда лишь подала руку, когда Его Высочество протянул свою.

Зная, что ей надо спешить на сцену, принц не удерживал ее, он только сказал:

– Мне было бы очень приятно побеседовать с вами на свободе. Если после спектакля вы не заняты, прошу отужинать со мной у Минелли.

– С удовольствием, Ваше Королевское Высочество. С громадным удовольствием, – и в полумраке блеснули подведенные густым гримом глаза, сверкнули белые зубы, такие ослепительные на фоне ярко накрашенных губ. И то и другое было в меру кокетливо и в меру многообещающе.

– Милый князь Маврос будет вашим кавалером, сопровождающим вас туда, где я буду вас ожидать... с нетерпением, – добавил принц, – а сейчас буду восхищаться вашими прелестными танцами.

Медея поняла: короткая аудиенция в закрытой ложе закончена. Вновь придворный реверанс, всколыхнулась тяжелая портьера, и Фанарет уже не было. Остался пряный, крепкий, раздражающий запах ее духов и еще более раздражающий запах ее тела.

Веселая, радостная, возбужденная впорхнула в свою уборную.

– Мария, слышишь, Мария? Он очарователен, этот принц. Ты республиканка, можешь сколько тебе угодно шипеть.

– Я и не думаю, и не собираюсь шипеть.

– Молчи и слушай, раз я говорю. Можешь шипеть сколько тебе угодно, а только что может быть лучше породы и голубой крови? Он даже некрасив, но то, что в нем – лучше, дороже всякой красоты. И ужин с ним в отдельном кабинете я не променяю ни на какие ужины в палатце разбогатевшего парвеню. Он думал ошеломить меня двадцатью корзинами цветов. Как будто я не видела цветов! Я очень рада оставить его с носом. Ты видела, каков адъютант принца? Выдержанный, корректный, ни одного лишнего слова, а тот, кого прислал Мекси, возмутительный «мовэ сюже». Да и сам Мекси, вероятно, такой же «мовэ сюже»⁴.

Мария слушала с неподвижным костистым лицом, и не было на этом лице ни одобрения, ни осуждения – ничего не было...

Медея продолжала бы еще и еще, но приоткрылась дверь и просунулась, как бильярдный шар, лысая голова режиссера с усами-пиявками.

– Несравненная мадам Фанарет! Ваш выход, все готово, пожалуйста на сцену...

---

⁴ Невежа (фр.).

11. Не все можно купить

Фанарет самое себя превзошла в этот вечер. В самом деле, редко плясала она с таким подъемом, таким темпераментом. Это бывало с нею, когда, увлекаясь сама, она хотела увлечь мужчину, спутать шелковой сетью своих чар и для него, только для него танцевала.

Сегодня Медея танцевала для своего принца.

– Принц, мой принц, мой волшебный принц. Тебя уже тянет ко мне, но потянет еще больше после того, как ты меня увидишь, – беззвучно шептала Медея перед самым выходом на сцену.

Слов нет, она предпочитала общество королей и принцев всякому другому обществу. Но Язон овладел ее воображением не только потому, что был «королевским высочеством». Он сам по себе, как мужчина ударил по нервам эту страстную женщину. А уж она ли, Медея Фанарет, не видела мужчин и не научилась разбираться в них наметавшимся опытным глазом?

Все ей нравилось в нем. И рост, и отлично сложенная фигурами эта чуть уловимая притягивающая смесь, смесь утонченного европеизма с таким же утонченно-азиатским. Создавая его, природа взяла кое-что, с одной стороны, у монгольских ханов, арабских калифов, с другой же, – внесла кое-что и от сицилийских Бурбонов, от Савойского дома, Брабантского, от всех династий, с которыми на долгом протяжении веков роднились Атланы Дистрийские.

И в полумраке закрытой ложи Фанарет успела оценить и запомнить все это. И темные глаза с поволокой – темные, что бывает очень редко. Только Медея не знала еще, что эти глаза умеют быть гневными, до жестокости гневными, и тогда уже исчезает поволока, и они горят, как у тигра или у какого-нибудь восточного властелина. Это, однако, смягчалось изысканным рисунком рта, благородством всей нижней части лица.

«В мундире он должен быть еще интереснее, еще», – подумала Фанарет, покидая ложу...

А сейчас, сейчас она танцевала для него и только для него, забывая, что танцует для всех, а также для человека с бульдожьим лицом и бульдожьими челюстями. И когда в сладострастных изгибах своего более чем полуобнаженного тела под заунывный восточный мотив Медея бросала изнемогающие от страсти взгляды по направлению ложи принца, Адольфу Мекси казалось, что все это по адресу именно его, Мекси. Казалось, хотя для него не было тайной посещение Медей ложи принца. Вообще для этого человека, все покупавшего и за все платившего, не было тайн или почти не было.

Бешеная злоба закипала в нем к счастливому сопернику. И чем больше росло это чувство, чем более от него ускользала, в самом начале хотя бы, Медея, тем более это распяляло в нем желание овладеть ею, овладеть ценой каких угодно безумных денег.

И он добьется своего, добьется. Терпение и выдержка, выдержка и терпение. Что такое Язон по сравнению с ним? Бедный принц бедного королевского дома, бедного потому, что он, Мекси, богаче, по крайней мере, в сто раз и при желании мог бы разорить не только династию, а и всю страну. И разорит, разорит, если только пожелает этого.

Веселый ужин был, ужин втроем, ужин в кабинете у Минелли, а ужин в роскошном палатце Мекси немногим разве оживленней был похоронных поминок. Вначале Мекси думал отменить пиршество, но приглашенные гости были все народ влиятельный, с крупным положением, и Мекси, ни с кем не церемонившийся, однако, не решился приказывать лакею:

– Меня нет дома. Отказывать всем.

И гости съехались, предвкушая удовольствие и честь поужинать в обществе мировой знаменитости.

Вынужденный впустить их, кормить, поить и еще занимать, Мекси очутился в преглупом положении. Трудно представить глупее. Что он скажет этим банкирам, сановникам? Чем объ-

яснит отсутствие Фанарет? Солгать что-нибудь, выдумать? Но нельзя ни солгать, ни выдумать в этой провинциальной столице, где известен каждый шаг мало-мальски видного человека.

Завтра же узнают все то, что Мекси уже знает сейчас. Вездесущий, всюду щюникающий, одаренный нюхом легавой собаки, Церини успел выследить Фанарет и князя Мавроса и успел донести патрону своему, что они помчались в закрытой машине к Минелли, где в кабинете № 2 их ожидал принц Язон.

Церини хотел добавить еще какую-то подробность, но взбешенный Мекси топнул ногой и, замахав руками, выгнал его из маленького интимного кабинета. А в другом гигантском кабинете, таком же гигантском, как тяжелая массивная мебель, собралась мужская компания гостей, человек в пятнадцать. Мрачный, злой, с трясущейся бульдожьей челюстью вышел к ним хозяин, и все поняли, что Фанарет не будет, но никто не смел заикнуться об этом. Даже переглядывались с какой-то опасливой украдкой. Всем этим людям было и под сорок и много за сорок, все они были в богатстве и внешних почестях, но все они чувствовали себя перед Мекси робкими школьниками, ибо он, Мекси, был во много раз богаче, могущественнее, чем все они, вместе взятые.

Он это сознавал еще рельефное и ярче, нежели они сами. Обыкновенно это сознание наполняло Мекси чем-то самодовольно-тщеславным. На этот раз он, может быть, впервые усомнился в своем почти беспредельном могуществе. На этот раз принц, бедный принц, оказался сильнее его, и потому именно, что он принц. Обаяние титула королевского высочества, представителя тысячелетней династии – с этим надо родиться. Этого ни за какие миллионы не купить. Не купишь, не уничтожишь, не вычеркнешь, ибо это уже история, традиции, переживающие человека.

Пусть так, но все же и они, получающие уже в колыбели титулы, чины, ленты, короны и звезды, все же и они уязвимы. И еще как уязвимы!

Где царь Николай Второй, недавний повелитель части земного шара? Где цезарь Карл Австрийский? Где император Вильгельм? Где остальные короли, большие и малые принцы, великие герцоги?

И когда внушительный метрдотель, появившийся на пороге кабинета, доложил: «Кушать подано», в голове Мекси уже назревал гневный и отравленный мстостью план.

Так мелкое, узко-корыстное влечет за собой великие потрясения...

Мекси до того не сомневался в присутствии за ужином знаменитой Медеи, что велел заменить на этот раз обычный продолговатый стол большим круглым, четыре с половиной метра в диаметре. У каждого прибора стояли цветы в хрустальных вазах, бутылки с вином, дорогим, редчайшим. Но центр оставался свободным, и этот свободный круг был величиной с маленькую сцену. Предполагалось, Мекси предполагал, что после ужина Фанарет выполнит на столе какой-нибудь танец. А в это время хозяин и гости, поднявшись с бокалами шампанского, будут любоваться ею.

Мекси особенно рассчитывал на этот эффектный трюк, хотя не новый, однако же всегда и везде вызывающий восторги у мужчин, разгоряченных вином и близостью полунагого недо-ступного женского тела, извивающегося в сладострастных движениях.

И ничего этого нет. Ни Медеи, ни ее пляски на круглом столе. Она предпочла всему этому великолепию дрянной кабинетик у Минелли, а Язона предпочла ему, Мекси. Дорого, очень дорого поплатятся они оба за это. Хозяин молчал, сопел, хмурился, не скрывая, не желая скрывать своего настроения, и пил, пил много, как никогда, пил, не прикоснувшись ни к одному из блюд. Гости, хотя ели и с аппетитом, но, чувствуя себя виноватыми, ненужными, лишними, переговаривались между собой таким сдавленным шепотом, как если бы в этой громадной столовой в два света находился тяжелобольной.

12. В кабинете и дальнейшее

А там, в кабинете ресторана, было очень молодо и очень весело. Эти молодость и веселье были ключом, но более духовно, темпераментно, чем внешне. Внешне все было скромно и естественно, по-весеннему светло и ясно. И смягченные звуки оркестра, как-то облагороженно мягко доносившиеся из общего зала, дополняли и поэтизировали настроение.

Фанарет, уже не в сценическом гриме, а в том легком, искусственном, без которого не обходится ни одна желающая нравиться женщина, нисколько не проигрывала в своей знойно-полуденной красоте.

Их тянуло неудержимо, непреодолимо тянуло друг к другу – Фанарет и Язона. И сознание, что между ними есть третий, которого надо стесняться, наполняло их острым сдержанным волнением, и поэтому тяготение было еще напряженнее, волей-неволей вынужденное ограничиваться таким горячим блеском глаз и случайным, вернее, не случайным, прикосновением нетерпеливо переплетавшихся пальцев. Говорили коротко, отрывисто и так же коротко, отрывисто, нервно смеялись. Вино не ударяло в голову только потому, что и без вина Медея и Язон были пьяны друг другом.

Маврос принимал участие в ужине, говорил, шутил, смеялся. Все это выходило весьма непринужденно, однако без малейшей тени того фамильярного покровительства влюбленным, избежать которого так трудно и тяжело. Маврос много пил, но у него была привычка пить, выработанная хорошим кавалерийским полком, придворным мужским обществом, и он ни на один миг не забывал, что перед ним, с одной стороны – наследный принц, с другой – звезда варьете, не светская женщина, именно поэтому требующая особенно корректного, бережного к себе отношения.

Ему следовало исчезнуть вовремя. Да, вовремя, и это необходимо сделать с чувством меры. Плохо не досидеть, но еще хуже – пересидеть. В первом случае – как бы подчеркнутое желание оставить вдвоем артистку и принца. Во втором случае – и артистка, и принц уже тяготились бы его обществом.

И со свойственным ему тактом Маврос, учтя «психологический» момент, вышел, незаметно для Медеи переглянувшись с Его Высочеством. Пройдя в соседний пустой кабинет, князь Анилл потребовал счет и, заплатив, дав щедрые чаевые лакею, приказал не беспокоить находящихся в кабинете № 2 и следить, чтобы никто из гостей не влез туда по ошибке. Едва Маврос закрыл за собою дверь, Язон, встав, медленно подошел к Медее, и в этой медленности, и в выражении лица Язона неподвижного – все, все ушло в горящие глаза – было что-то неумолимое, как судьба. Медея так и поняла, и затаилась, прижалась, точно в испуге. Сильная страсть всегда пугает как мужчин, так и женщин.

И вдруг – он уже был совсем близко, – неподвижное лицо исказилось невыразимым чем-то, где было нетерпение, и блаженство, и мучительная боль, и, схватив Фанарет в объятия, он поцеловал ее в полуоткрытые зовущие губы...

Так начался их роман.

Продолжать его в столице было неудобно во всех отношениях для Язона при его исключительно заметном положении.

Не обобратся бы сплетен, пересудов, клеветнической грязи. Обыкновенный смертный вправе иметь свою частную личную жизнь. Короли и принцы лишены этого права. Тысячи недоброжелательных глаз следят за ними, за каждым их шагом. Особенно отличается в этом отношении все левое, социалистическое. Оно только ищет и ждет малейшего предлога, дабы дискредитировать династию, уронив ее в глазах народа.

С точки зрения здравого смысла и самой строгой морали почему бы наследному принцу, свободному, холостому, не увлечься женщиной, которая ему нравится? С точки зрения парла-

ментских болтунов и бездельников, высиживающих свое жалование на левых скамьях, – это преступление, и конечно, перед народом. Эти самозванные опекуны широких масс всегда и во всем имеют наглость выступить от имени народа.

Мекси через своих агентов позаботился, чтобы ужин у Минелли получил самую широкую огласку, именно среди левых парламента и сената. И хотя все расходы принца ограничились скромным счетом за скромный ужин, однако из темных подполий вышла на улицу отвратительная ложь, что наследный принц тратит на «эту продажную плясунью» народные деньги. Встретаться Язону при таких условиях с Фанарет в Веоле значило бы подливать масла в огонь. К тому же гостить дольше в Дистрии незачем было Медею. Двух гастролей вполне достаточно. Ее увидели те из граждан маленькой столицы, кто вообще ходит на подобные увеселения. Уже третий спектакль не дал бы и половинного сбора.

Медея и Язон решили так: она уедет первая, а через неделю он последует за ней. Съедутся в Неаполе. Язон прибудет в этот город в строжайшем инкогнито, и уже оттуда проберутся они в тихое глухое живописное Позетано, угнездившееся на прибрежных скалах. В Позетано они проведут месяц вдвоем, только вдвоем, отрезанные от всего внешнего мира.

Вдвоем – это еще не значит без Марии. Но что такое Мария? Предмет обихода, неодушевленная вещь. Так, по крайней мере, толковала Медея Язону присутствие своей горничной. На принца эта костлявая испанка производила отталкивающее впечатление. Мария не оставалась в долгу. Во-первых, любовником ее госпожи был человек, противоречивший ее республиканским убеждениям, а во-вторых, этот человек, имевший громкий титул, имел сравнительно мало денег, чтобы обставить Медею подобающей роскошью. С точки зрения Марии госпожа сделала глупость, – и еще какую, – оттолкнув Мекси.

Испанка была в переписке с ним, с Мекси, ужасным французским языком делая ему чуть ли не ежедневные доклады обо всем, что видела и слышала. Мекси в ответ давал короткие, лаконические, но весьма выразительные директивы. Тем более выразительные, что они подкреплялись довольно кругленькими чеками на неаполитанский «Банко д'Италия». Да и перед ее отъездом из Веолы Церини доставил Марии двести долларов наличными.

Стоило поработать. И горничная, по мере умения и сил, работала.

13. Интрига плетется

Директивы Мекси сводились к одному: путем интриг – плетение этих интриг возлагалось всецело на Марию – посеять рознь между влюбленными, вбить между ними такой клин и так основательно, чтобы его уже никак нельзя было выдернуть. Мария знала характер своей госпожи, знала, как следует играть на нем. Знала также, что Фанарет никогда с ней не расстанется, а посему она, Мария, может говорить в лицо госпоже своей многое такое, чего никто другой не посмел бы сказать.

Но Мария была слишком хитра, дабы злоупотреблять своим привилегированным положением. Открытое выступление против Язона успеха не имело бы. Особенно же в дни медового месяца, в эти дни, когда Медея с таким острым, все и вся забывающим упоением отдавалась своему новому роману, своему новому увлечению.

Декорация и фон их романа были чарующие, словно самим Господом Богом созданные для влюбленных. Эти южные ночи – то звездные, то бледно-золотистые лунные, лунные до какой-то фантастической зеленоватости, обвеявая истомой, будили желание, желание без конца...

И тогда все облекалось в замороженную легенду минувших веков, и не было переходов, и черные тени так же резко сменялись тусклым зеленоватым блеском. Угрюмым силуэтом повисла над бездной громада монастыря, и казалось чудом, как это не рухнул он с головокружительной высотой своей в море. А из моря черным массивом поднимались изъеденные временем башни римской крепости, помнившей цезарей.

Медея и Язон в такие ночи уходили вдоль берега, уходили туда, где никого нет, за город, и где их тени на остывшем песке сплетались в одну. И так же сплетались их тела в объятиях, поцелуях, прикосновениях, то нежных, чуть уловимых, как свежее дыхание сонного моря, то бурных, порывистых, как ураган, как пламя, испепеляющее все и вся. А там, вдали, на лунно-зеркальной глади моря, чернела баркета, и чей-то голос пел о любви, и рокотала, звенела чья-то мандолина.

В такие моменты Язон, в обычное время пленник этикета и своего высокого положения, чувствовал себя вырвавшимся из-под строгой опеки школьником, школьником тридцати четырех лет. Он забывал, что он – наследный принц, что он командует кавалерийской дивизией и что он в спешном порядке испросил у Его Величества короля месячный отпуск. Отпуск, таявший с неуловимой быстротой. Старик отец, кладя резолюцию на прошение об отпуске, молча погрозил сыну пальцем. Это значило:

– Смотри, Язон. Мне известно что-то. Смотри же, не наделай глупостей, за которые пришлось бы краснеть нам обоим...

Фанарет не была хищницей в материальном значении слова. Она не принадлежала к числу тех обольстительных, но прожорливых акул, у которых в натуре, в крови обирать мужчин, разорять их, не стесняясь никакими приемами. Однако непоколебимо было в ней убеждение: тот, кому она дарит свою любовь, должен заботиться о ней и тратить на нее деньги. Язон, не являвшийся исключением, да и не желавший быть таковым, тратил на нее, тратил в пределах своего «цивильного листа». Ему полагалось пятьдесят тысяч франков в месяц. Немного. Даже для такого бедного королевства, как Дистрия, – немного.

Расходы по жизни в Позетано с отелем, пансионом, автомобильными и всякими другими прогулками были ничтожны. Не ограничиваясь этим, Язон съездил в Неаполь к лучшему ювелиру и вернулся оттуда с ниткой жемчуга и браслетом. Довольно крупный изумруд, как жутко мерцающий тигровый глаз, трепетал на тонком золотом ободке.

Хотя оба эти подарка заняли далеко не первое место в коллекции Фанарет – разве Язон мог сравниться с искавшими ее взаимности американскими миллиардерами? – но жемчужная нитка и браслет были встречены и приняты более чем благосклонно.

Совсем по-другому, подчеркнуто по-другому, отнеслась Мария. Укладывая оба подарка в металлическую шкатулку, хранительницу бриллиантов Медеи, горничная презрительно фыркнула:

– Разве это жемчуга? Нитка до пояса, вроде той, какую вы получили от Моргана, – это я понимаю...

– Молчи, Мария. Прошу не совать свой длинный нос куда не следует. Эти скромные жемчуга мне дороже всяких моргановских ниток. Я люблю моего принца и взяла бы от него даже стеклянные бусы.

– Не понимаю, – с ядовитой улыбкой повела Мария костлявыми плечами.

– И никогда не поймешь. Никогда. Ты старая дева без пола и возраста.

– Зато у моей сеньоры очень много пола, – съехидничала Мария.

– Да, и я горжусь этим. По крайней мере, будет чем вспомнить молодость.

Часто Мария задавала вопрос:

– Долго мы еще будем сидеть в этой итальянской дыре?

– Пока не надоест. Что будет через месяц, даже неделю – не знаю. Но сегодня мне хорошо, чудно и завтра будет хорошо... Но ведь ты же ничего не понимаешь в этом. Ах, как он меня любит, мой принц! Как он меня любит!

Однажды Мария дерзнула усомниться в этом.

– Вы думаете, сеньора, что Его Высочество вас очень любит? – спросила горничная, вкладывая в его «Его Высочество» всю свою республиканскую ненависть к монархии.

– Думаю ли я? Какая ты глупая, право. И думать не надо. Я это чувствую, чувствую каждой клеточкой мозга, всеми нервами, всем телом, телом, которое он... Да разве ты что-нибудь понимаешь?

– Может быть, и не понимаю, а только...

– Что только? Что, несносная злючка?

– Конечно, в любви я – круглая дура, а только говорить «я тебя люблю» да целовать женщину, если эта женщина красивая, по которой все сходят с ума, это еще не доказательство. Нет, докажи, что ты любишь, докажи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.